

Цинь Чжэн спокойно позволил медикам совершать над собой необходимые манипуляции. Такова была его обыденность в последние десятилетия. Для парализованного человека, части тела, утратившие чувствительность и контроль, перестают быть его собственными. Они становятся лишь инструментами, требующими обхождения, но от которых нельзя отказаться, чтобы поддержать жизнь и сохранить основные функции организма.

Вэнь Цзиньцюэ когда-то произнёс: «Я хочу, чтобы ты жил. Твоя жизнь и твоё тело принадлежат мне, и я несу за них ответственность. Забота о них — мой долг».

Этот процесс, где достоинство сначала разбивается вдребезги, а затем кропотливо восстанавливается. Процесс, полный унижения, оставляющий зияющую пропасть между тем, что было, и тем, что стало.

И всё же, привыкнув, Цинь Чжэн осознал нечто неожиданное: чувство абсолютного доверия другому человеку, без тени сомнения, было невероятно прекрасным. Прекрасным до такой степени, что даже годы спустя, после ухода Вэнь Цзиньцюэ, он не мог забыть этого. Прекрасным настолько, что, возвращаясь в мыслях в то время, он тосковал по этим воспоминаниям.

И вот теперь возвращение контроля, обретение власти над собственным телом – всё это казалось Цинь Чжэну чуждым, непривычным.

Он медленно опустил руки на край кровати, попытался приподняться.

Линь Яньцин, оказавшийся рядом, перехватил его руку: «Лекарство только что подействовало. Тебе нужен покой».

Внезапный звук голоса вырвал Цинь Чжэна из воспоминаний. Он почти забыл, что в комнате кто-то есть. Забвение окружающего мира, людей, легко приводит к заточению в лабиринте собственных мыслей. Это тоже привычка, взращенная тридцатью годами заточения в собственном теле. Что оставалось человеку, чья единственная подвижная часть – голова – не имела возможности вырваться на свободу, не могла никуда пойти, не могла найти собеседника, готового выслушать в любое время? Развлечение разума, его самодостаточность стали самым доступным и популярным способом заполнить пустоту времени.

Пока Вэнь Цзиньцюэ был рядом, всё было иначе, но после его ухода Цинь Чжэн замкнулся в себе ещё сильнее. Оставалось лишь думать о нём, думать, думать... Со временем в жизни Цинь Чжэна не осталось ничего, что не было бы пронизано образом Вэнь Цзиньцюэ.

Цинь Чжэн поднял глаза и увидел лицо Линь Яньцина, совсем близко.

«Хочешь воды?» – спросил Линь Яньцин.

Цинь Чжэн едва заметно шевельнул губами: «Линь... Яньцзинь».

Имя, казалось, навеки исчезнувшее из его жизни, вновь сорвалось с губ, звучало чуждо и в то же время знакомо, вызывая смутные, далёкие воспоминания.

Линь Яньцзинь слегка нахмурился: «Тебе нехорошо? Что-то болит?»

Цинь Чжэн посмотрел на него, затем снова откинулся на подушку, отказавшись от попытки встать.

Линь Яньцзинь... Прошла целая вечность с тех пор, как они виделись в последний раз. Слишком много времени прошло с их последней встречи, и Цинь Чжэн не испытывал ничего, кроме лёгкой меланхолии и вздоха.

«Разве ты не должен развлекать гостей?»

Сегодня день помолвки сестры Линь Яньцзиня. Случайная трагедия требовала отвлечь гостей и уладить вопросы с приглашёнными журналистами. Неблагоприятные сообщения в прессе могли поставить под сомнение искренность этого союза.

«Я всего лишь брат невесты, а не хозяин этого торжества. Есть более важный человек, которому я нужен больше, чем эти незнакомцы».

Линь Яньцзинь не назвал имени, но забота и внимание, сквозившие в его словах, не могли оставить равнодушным никого... особенно прошлого Цинь Чжэна, который в свои двадцать лет так нуждался в любви и внимании.

Глядя на Линь Яньцзиня, Цинь Чжэн вдруг вспомнил, почему когда-то был очарован им. Но это было в прошлом.

Он промолчал.

Линь Яньцзинь внимательно смотрел на него, но лицо молодого человека оставалось бесстрастным, ни один мускул не дрогнул.

Линь Яньцзинь достал телефон и сделал звонок. В его голосе прозвучал холодок: «Даю тебе десять минут. Приходи сюда».

Не прошло и десяти минут, как Сун Циюй, в смятении, подошёл к двери палаты, остановившись в нерешительности.

«Двоюродный брат...»

Линь Яньцинзнь бросил на него взгляд: «Что, не хочешь войти?»

Сун Циюй, с трудом сдерживая гнев, подошёл к кровати Цинь Чжэна, опустил голову и пробормотал: «Прости, я не должен был случайно толкать тебя с лестницы».

Цинь Чжэн взглянул на Линь Яньцинзня.

«Только извинения?»

Сун Циюй был в ярости, но, стоя перед ними и видя, что ему никто не верит, даже когда он говорит правду, понимал: даже если он скажет, что Цинь Чжэн сделал это намеренно, Линь Яньцинзнь ему не поверит.

Он не ожидал, что Цинь Чжэн окажется таким искусным манипулятором. Раньше он не понимал, почему Линь Яньцинзнь был так груб с другими, но относился к этому человеку с особым почтением. Теперь он наконец понял, что его двоюродный брат, должно быть, был очарован его тактикой «зелёного чая»!

Злость захлёстывала его. Сквозь стиснутые зубы он выдавил: «В качестве компенсации я готов выплатить тебе 500 000».

Линь Яньцинзнь: «Удвой».

Сун Циюй: «Двоюродный брат, ты...»

Холодный взгляд Линь Яньцинзня заставил его замолчать. Он посмотрел на него, затем на Цинь Чжэна, который казался совершенно безучастным, и, наконец, с отчаянием произнёс: «У меня сейчас нет такой суммы. Я переведу деньги позже».

Ледяным тоном Линь Яньцинзнь произнёс: «Пора тебе усвоить урок и понять, что можно делать, а что нельзя».

Сун Циюй едва не хватил сердечный приступ.

Да, он усвоил. Теперь он будет держаться от Цинь Чжэна как можно дальше и никогда больше не даст ему возможности обмануть себя! Никто больше не сможет этого сделать!

Когда Сун Циюй вышел, он напоминал разъярённого щенка, скалящего зубы, но лишённого сил.

Когда они остались одни, Цинь Чжэн спросил Линь Яньцзиня: «Он сказал, что я намеренно его обманул. Ты не веришь ему?»

Линь Яньцзинь ответил: «Я знаю, что ты не такой человек».

Цинь Чжэн улыбнулся.

«Ты голоден? Может, ты хочешь что-нибудь поесть? Я могу попросить, чтобы принесли», - предложил Линь Яньцзинь.

Цинь Чжэн не помнил, когда его организм принимал пищу, сейчас он не чувствовал голода. Просто его телу нужна была энергия, и он никогда не отказывался от того, что могло принести пользу его здоровью.

«Всё равно. Можешь заказать что-нибудь на свой вкус».

Линь Яньцзинь бросил на него взгляд, затем встал и сделал заказ по телефону. Повесив трубку, он обернулся и увидел Цинь Чжэна, который отстранённо сидел, прислонившись к изголовью кровати. Он не обращал на него ни малейшего внимания.

Линь Яньцзинь подошёл и присел на край кровати.

«Ты всё ещё злишься?»

Цинь Чжэн удивлённо посмотрел на него.

Линь Яньцзинь объяснил: «Меня не было рядом, когда произошёл несчастный случай, но я примчался сюда так быстро, как только мог».

Сун Циюй спровоцировал и оскорбил тебя, причинил тебе боль, поэтому я заставил его извиниться перед тобой.

А Чжэн, если у тебя есть какие-либо претензии, скажи мне».

Цинь Чжэн слегка улыбнулся: «Ты же сам сказал, что я не злюсь. С чего ты взял, что у меня должны быть претензии?»

Линь Яньцзинь протянул руку, чтобы взять его за руку, но молодой человек отстранился.

Цинь Чжэн сказал: «У меня на руках мазь. Будь осторожен, чтобы не испачкаться».

Взгляд Линь Яньцзиня на мгновение задержался на руке, уклонившейся от его прикосновения, и его глаза незаметно потемнели.

«Сегодня особенный день. Я приготовил для тебя сюрприз в ресторане под открытым небом, но, к сожалению, произошло это происшествие, и тебе не удалось это увидеть».

Выражение лица Цинь Чжэна слегка изменилось.

В действительности, он видел всё это, но в другой жизни. Линь Яньцзинь признался ему в любви в ресторане под открытым небом в день помолвки своей сестры. На вечеринке присутствовали гости, приглашённые на это торжество, и родители Линь Яньцзиня.

На мгновение Цинь Чжэну показалось, что это его собственная свадьба с Линь Яньцинем. И хотя на крыше были только они двое, и никто, кроме них, не знал об этом признании, он тогда с готовностью согласился.

Линь Яньцзинь достал из кармана коробочку, открыл её, и Цинь Чжэн увидел внутри изысканные дорогие часы, инкрустированные бриллиантами. На запястье молодого господина Линь были точно такие же, но другого цвета.

«Тщательно подготовленное место так и не пригодилось, но, поскольку здесь только мы с тобой, можно считать, что всё сложилось удачно. В целом, неплохо.

Мы знаем друг друга много лет и всегда понимали друг друга. Я хочу, чтобы наше понимание длилось вечно.

Ты хочешь того же?»

Линь Яньцзинь поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза.

Запах дезинфицирующего средства в палате был настолько привычным, что вселял в Цинь Чжэна необъяснимое чувство безопасности.

Он посмотрел на Линь Яньцзиня, на часы, которые когда-то носил... Смутные воспоминания начали всплывать из глубин памяти и постепенно обретать ясность.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Цинь Чжэн протянул руку и взял часы из коробки.

На душе у Линь Яньцзиня стало спокойно. Необъяснимое беспокойство, терзавшее его, отступило.

Цинь Чжэн повертел на часы в руках.

И вдруг произнёс: «В мире многие измеряют ценность вещей в деньгах. Считается, что чем дороже, тем лучше.

Но для меня эти часы не стоят и школьной куртки, которую ты мне когда-то одолжил. Прости, у меня сегодня плохое настроение», — Цинь Чжэн вернул часы в коробку. «Эти часы очень дорогие. Береги их».

<http://bllate.org/book/14281/1265070>